

Развалины. Размышление о падении государств (Вольнея)

Приветствую вас, пустынные развалины, священные могилы, немые камни!

Между тем как вид ваш поражает тайным ужасом воображение невежды, — сердце мое волнуют глубокие чувства, и, глядя на вас, в уме моем зарождаются высокие мысли. Как много поучительных уроков, как много увлекательных и крепких дум задаете вы тому, кто умеет вас спрашивать! Не вы ли, славные развалины, возвышали поработанному и безгласному люду те горькие истины, которые так ненавистны тиранам, те истины, которые выражали святой догмат равенства людей перед смертью, одинаково пожирающей царя и его последнего раба! Не вы ли теперь вызываете во мне, страннике, сознание свободы, не той свободы, которая рисуется невежде и безумцу в образе палача, а свободы в образе великого судьи, который воздает каждому пароду по делам его!

О могилы! Сколько в вас добродетелей! И как страшны вы тиранам! Невольным содроганием и трепетом казните вы их в разгаре позорных наслаждений. От вас бегут они и запираются во дворцах, малодушно избегая вашего грозного вида. Да, вы казните гордого повелителя. Вы похищаете награбленное богатство лихоимца; вы мстите за бедняка, которого он обокрал. Вы вознаграждаете нищего страдальца за его лишения, проводя на лбу развратного богача морщины подлости и позора. Вы утешаете несчастных, давая им последнее убежище после горькой жизни. Вы приводите, наконец, взволнованную душу в то спокойное настроение, в то чудное равновесие сил и чувств, которое составляет настоящую мудрость и науку жизни. Соображая, что все придется покинуть, разумный человек не станет гоняться за пошлым величием и жаждать лишнего богатства; он удержит себя в границах права и правды, будет жить честно и действовать на благо ближнему. — Так умеете вы, добродетельные развалины, обуздывать насилие и разврат, умирять душу среди разгула страстей и возвышать ее над грязными интересами будничной жизни! И вот, глядя на вас, передо мной воскресает погибший мир с его неправдой...

О смерть! Как не благословлять тебя, когда ты можешь учить живых и наставлять их на путь истины и добра! О смерть, богиня моя, поведай мне тайну горькой жизни пародов и, на развалинах прошлого, освети мой ум светом животворящей истины!

Так взывал я в виду развалин древней Пальмиры [144], куда бежал от общества, которое отравляло мою жизнь своим гнусным устройством, своим суеверием, рабством и безумием.

Так размышлял я на свободе, в виду могил и немых памятников старины, в которой и стал искать разгадку прошлой жизни, с целью попятить настоящую, современную. И вот что после долгих исследований и размышлений рассказала мне седая старина.

Куда девалось величие и могущество древних государств? Где Пальмира, Нинивия, Вавилон, Тир, Сидон, Фивы и другие славные и богатые столицы древнего мира! Все они лежат в развалинах! Та самая, например, Сирия, в которой считалось некогда до ста огромных, населенных городов, стоит теперь почти безлюдной пустыней. Там и сям на ней виднеются обломки толстых стен, колонны разрушенных храмов и дворцов, в которых жили и пировали разные цари ассирийские и вавилонские. Давно уже, на месте этих коронованных гадов, копошатся мириады ящериц, змей, скорпионов, и царству их не предвидится конца. Гадами жили люди и гадов развели после своей смерти. Чему тут удивляться!

Вымерли древние народы, все народы верноподданные, которые имели своих царей и богов, судей и жрецов, которые строили дворцы и храмы, платили подати и молились. Вымерли эти народы, и не спасла их от смерти ни покорность, ни набожность. Заплатило дань смерти рабство и невежество, и вот из могилы своей оно уверяет еще, будто во всем виновато божество и его неизреченная воля! И народы, живые народы прислушиваются до сих пор к этому замогильному, мертвящему голосу и верят ему, как голосу исторической правды!

Но мертвым срама нет. И так пусть стыдятся живые, которые хотят жить по образцу мертвецов. Как они жили — о том говорят не они, а могилы, куда преждевременно загоняло их рабство и суеверие. Этими бичами казнили народы и под их ударами умирали бессознательно, испуская глухие стоны, в которых слышался вопль мольбы и проклятия.

Кто же обратил рабство и суеверие в орудие пытки народов? Неужели божество, которое спилось всегда людям, страдавшим наяву?

Нет, не карою небесной, а насилием и грабежом казнили народы, обращенные в рабство и обесмысленные суеверным страхом. Насилие и грабеж — вот два неиссякаемые источника народных бедствий и страданий. Что же касается невежества и суеверия, то они всегда и везде укоренялись неизбежно, вследствие развития грабежа и насилия.

Первым правом человека, в диком, первобытном его состоянии, было право сильного. Его породила борьба за существование, та зверская и кровавая борьба, в которой сильный убивал слабого, брал себе его добычу и жадно пожирал ее. Так жили и живут дикари и варвары, повинувшись животному инстинкту самосохранения.

Итак, в постоянной борьбе за существование, люди сперва убивали и пожирали друг друга, потом стали обращать друг друга в рабство и, наконец, решились жить стадом или, говоря нежнее, обществом, в котором узаконили право сильного над слабым и власть господина над рабом или тунеядца над работником. Итак, на основании того, что сильный, способный убить слабого, вздумал оставить его в живых, создалась общественная жизнь с целью прекратить кровопролитную борьбу за существование и вернее обеспечить жизнь победителей на счет побежденных и властителей на счет подвластных и рабов. Этот вид людоедства, постепенно совершенствуясь, показался таким необходимым и законным

условием жизни двуногих, что они и по сие время почти не думают изменять его. Постоянно глядя на неравную борьбу сильного со слабым, люди пришли к тому убеждению, что неравенство — закон самой природы, и потому неравенство стало правилом житейских отношений. На этом пагубном предрассудке устроилась жизнь семейная, гражданская и политическая со всей ее формальной неправдой.

Прежде всего, отец семейства сделался, по нраву сильного, грозным повелителем своей жены и детей. Он стал смотреть на них, как на свою собственность или вещь, и распоряжался ими по личному соображению и прихоти.

По образцу отцовского, семейного деспотизма завелся с незапамятных времен деспотизм государственный, политический.

Как насилием и грабежом начиналась политическая жизнь народов, так точно насилием и грабежом она и кончалась. Эту роковую истину подтверждает история древних государств, давно исчезнувших с лица земли.

Действительно: логика грабежа и насилия беспощадно казнила народы во веки веков и осуждала их на жалкую и позорную смерть. С одной стороны, грабеж порождал всегда в среде каждого общества ту отчаянную борьбу за существование, в которой сильные давили слабых. С другой стороны, по праву сильного, победители всегда обращали в рабство побежденных и, под страхом казни и смерти, заставляли их признавать свою власть. Затем властители, обеспечив себе тунеядное существование, разделялись на партии и начинали взаимную борьбу с целью захватить в свои руки исключительное господство над рабами. И вот, эта борьба, кончаясь торжеством одной партии, вызывала, в свою очередь, междоусобную вражду новых победителей, пока наконец кому-нибудь из них не удавалось подавить соперников и добиться самовластья. Таким путем постоянной, кровавой войны создавались те чудовищные, деспотические империи, в которых один человек мог распоряжаться судьбою миллионов. По лишь только народы доходили до такого безобразного политического состояния, как немедленно обнаруживались все признаки неизбежной их смерти.

Разложение и падение государств, основанных на деспотизме, заявлялось всегда тем, что тираны, предаваясь необузданному грабежу и насилию, истощали все производительные силы народов и обращали свои громадные владения в пустыню, где могли жить не люди, а дикие звери. До какого безумия способны доходить деспоты, нагляднее всего показывает нам жизнь разных ассирийских, вавилонских, персидских царей и римских императоров.

Ничто так не развращает и не безобразит человека, как насильственная власть его над другим человеком, власть, которою он всегда злоупотребляет для удовлетворения своих яичных желаний, прихотей и страстей. И чем более людей насильно покоряются воле одного человека, тем он становится развратнее, безумнее и опаснее. Вот почему деспотизм не мог никогда возбуждать к себе других чувств, кроме отвращения и ужаса. История свидетельствует, что деспоты, играя судьбою своих подвластных, как будто с умыслом убивали в себе все человеческое, чтобы не походить на простых смертных. От скуки и пресыщения они предавались крайнему разврату и старались доказать свое безумие

какими-нибудь отчаянно нелепыми выходками. Им приходила фантазия устраивать висячие сады, осушать реки и проводить из них воды на высокие горы, чтобы она падала оттуда каскадами. Им нравилось обращать пахотные поля в леса и рощи, рыть озера среди степей или на горах, воздвигать громадные пирамиды и строить стены на протяжении тысячи верст. В течение веков деспоты заставляли миллионы людей работать с утра до ночи над сооружением совершенно бесполезных зданий, храмов, мавзолеев, дворцов из мрамора и порфира, и эта непроизводительная, каторжная работа пожирала людей хуже чумы и всякой заразы.

И безумие деспотов, утопавших в грязи самых гнусных наслаждений, быстро истощало и подрывало народное благосостояние. По мере того, как нищали народы, их грабили сильнее и беспощаднее. Подати и налоги возрастали беспрерывно и, не удовлетворяя алчности грабителей, разоряли в конец все население. Земледельцы, теряя надежду на безопасное существование, покидали свои поля или продавали их за бесценок, желая спастись от грабежа и насилия. В руках правителей и богачей-лихоимцев скоплялись страшные богатства и расточались на бессчетные и омерзительные удовольствия. Забитые и нищие народы обращались в стада двуногих скотов, без крова и корка, а хозяева их соединились в шайки разбойников и воров, которые бессовестно мучили этих скотов и гоняли их гуртом на кровавую бойню. Война питала войну мясом и кровью народов, изуродованных, измученных деспотизмом. Победители обращали в рабство побежденных; государство падало за государством; тиран сменял тирана. Круг побоища пародов все более и более расширялся.

И вот, на окраинах древнего мира, ставшего добычей римлян, появляются, наконец, варвары, которые и наносят ему последний, смертельный удар.

На развалинах старого рабства зарождается новое. Появляются государства, и в основание их ложится опять право сильного. Каждое общество составляется из покоренных и завоевателей, крепостных и господ, бесправных и полновластных. Между теми и другими нет ничего общего; их не связывает даже та самая религия, которая, под именем «христианской», распространяется по Европе с начала средних веков. Отвратительное насилие и необузданный грабеж возводятся в законное право победителей. Духовные пастыри освящают это кулачное право и сами пользуются им, наравне с королями, баронами и рыцарями. В удел пароду снова достается нищета с невежеством и суеверием.

В эти темные века изуверства и бесправия не перестает литься кровь человеческая. Нет у людей ни желания отказаться от зверского образа жизни, ни веры в лучшую судьбу свою на земле. «Там, на небесах, — говорили они, — насладимся мы счастьем, которого здесь нет. Сам Бог осудил нас влачить жалкое и греховное существование, чтобы мы надеялись на загробную жизнь и верили в царство небесное, которому не будет конца. Итак, станем презирать настоящее и откажемся от земных благ, в надежде на будущее».

И осудили себя народы на самозаклание и принесли себя в жертву врагам своим, палачам и грабителям. Что же вышло? Рабство гражданское и политическое, которое душило народы, усилилось еще рабством религиозным. Кроме власти светской, развилась еще власть духовная; при деспотизме политическом укоренилось еще лихоимство и насилие церкви. Повсюду на Западе духовенство обратилось в шайку тунеядцев и стало не только жить на

счет народа, но и действовать заодно с его тиранами.

Под маской бедности эти тунеядцы наживались всякими неправдами, богатели и наслаждались земными благами, не ожидая небесных.

Притворяясь набожными, они вели развратную жизнь и, проповедуя о любви к ближнему, презирали и ненавидели его от души.

Помышляя только о том, чтобы жить на чужой счет, они постоянно воспевали милостыню и ставили ее в число первых добродетелей.

Желая обратить на себя общее внимание, они выдумывали пышные церемонии и процессии. Жажда власти и почета побуждала их сблизиться с аристократической знатью и сановниками, от которых они надеялись добиться великих и богатых милостей. С этой целью становились они духовниками вельмож и королей и, с подобострастием покорных слуг, управляли ими, как хотели. Когда власть угождала им, тогда они проповедывали, чтобы ее уважали и боялись. Когда же она не нравилась им или противилась их желаниям, тогда они унижали ее, возбуждали к ней презрение и ненависть. Злоба доводила их часто до того, что они жестоко мстили властям, взывая к восстанию и проповедуя убийство.

Всякое посягательство на свои интересы называли они святотатством и беззаконием. Опасаясь потерять влияние на народ, они восставали всегда против образования и заботились удержать за собою монополию воспитания.

Наконец, всегда и везде они достигали своих целей и были сыты, когда народ умирал с голода, и были спокойны среди общего волнения и, во имя Христа, под видом бедняков, собирали такие огромные подати, каких не мог собрать ни один король. И все их ремесло заключалось в том, что они торговали словами и жестами, продавая их, как товар, по возможно высокой цене.

В средние века католическое духовенство управляло народами по своей прихоти и вело их не путем спасения, а рабства и унижения. Светская власть видела это и радовалась, что ей самой не приходится много хлопотать о своих интересах. Но, при всем этом, не взирая на частые войны, не взирая на чуму, голод и другие бедствия, народы размножались и по временам стонали от нестерпимой боли так громко, что правители обращали на них внимание и насильно заглушали эти стоны. Пока велась еще упорная борьба королей с баронами, пока кулачное, феодальное право не заменилось еще государственным, — грабеж и насилие, конечно, развивались, но не возводились, по крайней мере, в науку деспотизма и не освящались законами. Эта наука появилась и стала совершенствоваться только с XV века, со времени утверждения королевской власти.

И вот, по образцу церкви, которая имела казуистов, сочинявших катехизисы и правила изуверства и лицемерия, каждое государство обзавелось юристами, которые измышляли судебники и уставы грабежа и палачества. Участь народов была решена: власти духовные и светские обратили их в стада двуногих скотов и стали пасти их, и драть с них шкуру, и водить на бойню... И народы терпеливо сносили иго деспотизма и топтались в грязи, и утопали в лужах своей крови.

Проходит век, проходит другой, и восстает один народ, восстает и сбрасывает с себя тяжелое ярмо. Молния революции освещает Францию, и старое, феодальное здание разваливается.

Что за чудо! Униженный, забитый парод возвышает свой голос и громко говорит: «Много нас, французов, и живем мы в стране, щедро наделенной природою. Но, несмотря на то, что мы работаем, нищета у нас страшная. Платим мы огромные подати, а нас уверяют, что платим мало, и требуют все больше и больше. Кто же грабит нас? Кто наш враг?»

Из среды многочисленной толпы народа на этот вопрос отвечают: «Врага узнать легко: пусть народ, рабочий народ. Отделится от тех, которых он даром поит и кормит; они враги его».

И народ отделился от дворянства и духовенства и допрашивал каждое из этих тунеядных сословий, по какому праву они кормятся на его счет.

Аристократы отвечали: «Мы рождены не для работы».

Народ спросил: «Как же вы скопили такие богатства?»

Аристократы: «Мы управляли тобою».

Народ: «Как! Мы работаем, выбиваемся из сил, а вы наслаждаетесь! Мы производим, а вы только потребляете и расточаете! Все богатства создаются нашим трудом, а вы, забирая их себе, желаете еще распоряжаться нами, управлять нашей судьбою! Нет, тунеядцы, грабители и угнетатели: если вы намерены так жить и поступать с нами, то мы не хотим вас знать. Удалитесь, оставьте нас в покое и живите одни. Посмотрим, как вы проживете без труда!»

Услыша такую угрозу, аристократы стали совещаться. Между ними нашлись люди совестливые и правдивые, которые сказали: «Пора нам отказаться от своих старых прав: они незаконны. Сблизимся с народом и станем жить его жизнью. Наши крепостные такие же люди, как и мы: притом они еще содержат нас своим трудом».

Но другие дворяне говорили с досадою:

«Нет, нам позорно сблизаться с народом, с этою низкою чернью, которая должна служить нам и слепо повиноваться нашей воле. Мы люди благородные; в наших жилах течет чистая, дворянская кровь, которая делает нас господами. Итак, напомним грязной толпе наше высокое происхождение и наши наследственные, неотменимые права».

И аристократы обратились к народу с такою высокомерною речью: «Разве ты, черный народ, забыл, что мы владеем тобою по праву собственности? Разве ты не знаешь, что мы обратили тебя в рабство из милости? Мы могли лишить тебя жизни, но даровали ее великодушно с условием, чтобы ты работал и повиновался. Помни же это и покоряйся нашей власти, освященной обычаем, временем и законами».

Народ отвечал: «Аристократы! Вы говорите о праве собственности, Лучше замолчите! Иначе вам докажут, что ваше право не право, а насилие и грабеж».

Партия аристократов с бешенством стала грозить народу и звала к себе на помощь солдат. «Бейте непокорных рабов, бейте эту чернь!» — вопили они.

Народ, завидя солдат, сказал им: «Неужели вы станете бить своих родных, своих отцов и братьев? Если погибнет народ, то кто же станет кормить вас?»

И солдаты, не подымая оружия, отвечали аристократам: «Мы готовы поражать неприятеля; но с народом нашим биться не станем: он не враг, а друг наш и кормилец».

Тогда аристократы с отчаяньем обратились к духовенству и умоляли его запугать суеверный народ страшным судом и вечными муками ада.

И фарисеи начали торжественно говорить народу: «Братья! Сам Господь дал нам власть над вами, власть вязать и решать дела ваши. Покайтесь и смиритесь!»

Народ возразил: «Где же доказательства вашей власти, фарисеи?»

Они отвечали: «Веруйте, а не рассуждайте!»

Народ: «Но разве, властвуя над нами, вы не рассуждаете? Или вы управляете людьми, лишенными разума?»

Фарисеи: «Жить следует мирно, и вера требует смирения».

Народ: «Без справедливости нет мира и согласия».

Фарисеи: «На что вы жалуетесь, братия? Если вам дурно живется, то не удивляйтесь. Знайте, что в этой жизни мы осуждены на горе и страдания».

Народ: «Подайте нам сами пример такой горькой жизни».

Фарисеи: «Братия, повинуйтесь властям! Или вы думаете обойтись без них?!»

Народ: «Мы только не желаем, чтобы нас угнетали и грабили».

Фарисеи: «И вы думаете, может быть, обойтись и без нас, заступников ваших и мольщиков за грехи ваши?»

Народ: «Нет, фарисеи, ваши молитвы обходятся нам слишком дорого. Лучше всего мы станем молиться сами за себя. Знайте, что мы люди рабочие, и работа — наша молитва».

И, услыша эти последние слова, фарисеи и аристократы горько возопили: «Все пропало: народ прозрел!»

А народ радостно воскликнул: «Все спасено, потому что я прозрел. На моей стороне правда, и право, и сила. Правом, святым своим правом, а не грубою силой хочу я пользоваться, хочу быть свободным и независимым. Я желаю свободы: в ней правда, в ней залог жизни».

Так французский народ сбросил с себя ненавистное иго политического рабства и стал отщепенцем старого, феодального мира.

Так рухнули два гнилых столпа этого мира — дворянство и духовенство, которые двенадцать веков сряду поддерживали грабеж и насилие.

Политическая революция свершилась. На обломках здания аристократии и церкви устроился новый порядок.

Но как, после религиозной революции, произведенной проповедью евангелия, удержалось рабство политическое, так, после переворота 1789 года, уцелело еще рабство экономическое.

Вот почему идея свободы, то есть идея исторического Отщепенства, должна была выразиться отрицанием этого последнего рабства. И она, действительно, выразилась в лице современных отщепенцев буржуазного порядка, в лице социалистов.

Версия #1

Зверобой создал 3 июня 2026 01:30:59

Зверобой обновил 3 июня 2026 01:34:06